

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ДРЕВНОСТИ

I. Топонимия и освоение окружающего мира

Как бы ни совершенствовались методы палеолингвистики и какие бы усилия ни прилагались, ученые не сумеют установить, когда появились первые топонимы и вообще собственные имена. В конце концов это, может быть, и не так важно. Намного существеннее ясно представлять себе, что идентификационная функция собственных имен, основанная на анализе, на членении действительности, никогда не являлась единственной. Безусловно собственные имена имеют прежде всего своей целеустановкой "называть, чтобы различать". Вместе с тем они всегда были средством упорядочения и организации окружающего мира в сознании людей, поскольку процесс называния основывался как на различении фактов, так и на установлении связей между ними. Эта организующая роль собственных имен очень значительна. Не случайно утверждение о том, что без собственных имен на земле наступит хаос, уже стало общим местом как в научных, так и в научно-популярных работах. Разумеется, систематизирует или способствует систематизации и весь язык, но в собственных именах, и прежде всего в топонимии в силу ее абсолютной территориальной закреплённости, эта способность к систематизации действительности проявляется особенно ярко.

В цивилизованном обществе с его развитой письменностью и мощными средствами массовой информации упорядочивающая систематизирующая функция топонимов, о которой шла речь, не столь очевидна. Поэтому топонимастика и не воспринимается как наука, напрямую связанная с производством, хотя фактически она в немалой степени ему способствует. Более открыто эта важная функция топонимии проявляется себя у бесписьменных народов.

На сакраментальный вопрос о том, что появилось раньше — собственное или нарицательное, можно попытаться найти ответ, основываясь на соображениях общего характера. Вообще говоря, уже парадоксальная мысль В. Н. Топорова о том, что собственные имена являются "неотъемлемой характеристикой человеческих коллективов в отличие

от животных коллективов"¹, косвенно указывает на вторичность собственных имен. Действительно, даже самые высокоорганизованные животные не обладают понятиями в человеческом смысле. Это означает, что сперва человек должен был подняться до необходимости обобщения, и только потом, на новом витке познания, вернулся к необходимости различать и называть предметы одного класса. Следовательно, собственные имена по самой логике развития языка должны быть вторичны.

Возникшие в глубокой древности географические названия образуют сложные комплексы взаимосвязанных топонимов. Освоение окружающего мира предполагает установление между предметами (географическими объектами) связей, которые должны были получать адекватное отражение и в первобытной топонимии.

Выявление таких связей являлось обязательным условием образования ассоциативных структур в долговременной памяти человека, этим компенсировалась ограниченность объема оперативной памяти, предельные значения которого оцениваются в среднем в 7 ± 2 считаемых единиц (откуда, видимо, и "магический" характер числа 7^2 , широко распространенного в топонимии различных народов³). Топонимы окутывают мир своего рода сеткой, отдельными участками которой владеют те или иные народы, а фрагментами — отдельные индивиды. Эта сетка в целом является всемирным достоянием, что и объясняет повышенный интерес к топонимии и географической терминологии со стороны ООН⁴. Именно эта сетка — глобальная система географических названий — практически, разумеется, в отдельных ее фрагментах, являлась вербальным эквивалентом карты во все времена, особенно в бесписьменной древности.

1. Топоров В.Н. Из области теоретической топонимистики // Вopr. языкознания. 1962. № 6. С. 3.

2. См.: Фролов Б.А. Числа в графике палеолита. Новосибирск, 1974. С. 152.

3. См.: Матвеев А.К. Образное народное видение и проблемы ономастической и этимологической интерпретации топонимов // Вopr. ономастики. Свердловск, 1977. Вып. 12. С. 8-9.

4. См.: Комков А.М. Проблемы стандартизации (нормализации) географических названий в национальном и международном аспектах // Ономастика и норма. М., 1976. С. 5-11.

Успешному функционированию древних топонимов в этой роли способствовала их прозрачная семантика, их прочная первичная связь с "нарицательными"⁵ именами. Есть все основания считать, что первые топонимы и антропонимы возникали из описательных конструкций типа "Гора, на которой есть медведи" ("Медвежья гора") или "Человек с одним глазом" ("Одноглазый человек"). В период возникновения первых собственных имен основой для их формирования могли быть только "нарицательные". Другой путь создания собственных имен в древности представить себе невозможно. Поэтому такие "первобытные" имена как Нао или Рао, красивые, но бессмысленные, которыми обильно оснащают свои произведения писатели-"древники", пытающиеся показать жизнь наших далеких предков, только что поднявшихся над уровнем первобытного стада, — досужий вымысел. Они — достояние будущего, их появление связано с периодом сознательного создания имен, развитием искусственной номинации, что великолепно почувствовали писатели-фантасты, которые давно оперируют благозвучными собственными именами без внутренней формы.

Топонимия и антропонимия "первобытных" народов современности хорошо подтверждают именно такой характер собственных имен на первых этапах их развития. Нечто подобное находим, например, в семантике топонимов и антропонимов, засвидетельствованных в знаменитой книге Д. Теннера о североамериканских индейцах⁶, ср. топонимы: Черепашья гора, Раковинная река, Озеро грязной воды, Озеро прозрачной воды, Сухой волок, Где они сбрасывают серого орла, Гора охоты на бизонов и т.п.; антропонимы: Тот, который поднимает в поход, Белая цапля, Отрезанная рука, Маленький ястреб, Тот, у кого есть колокольчик, Стоящий в дыму, Украшающий себя перьями, Разрушитель бобровых плотин, Внезапно скрывающийся и т.п. Такие семантически полные имена лучше запоминались и помогали хранить в памяти события прошлых лет. Известный полинезийский этнограф Те Ранги Хироа писал по этому поводу: "Имя Таре-хе в переводе означает "Уплывающая вдаль из-за своего греха". Давая своим героям подобные имена, полинезийцы тем самым облегчали запоминание событий"⁷.

5. Это слово приходится заключать в кавычки, потому что говорить о существовании нарицательных при отсутствии собственных, строго говоря, некорректно.
6. Теннер Д. Тридцать лет среди индейцев. М., 1963.
7. Те Ранги Хироа (П.Бак). Мореплаватели Солнечного восхода. М., 1959. С. 71.

Сравнительный анализ топонимической семантики различных времен и народов обнаруживает в ней много общего. Названия, аналогичные по семантике с топонимами североамериканских индейцев, широко представлены в русском языке (оз. Грязное, ур. Ломаная нога). Еще больше семантическое сходство топонимических систем североамериканских индейцев и обских угров (ср. манс. Нята-Рохтум-Сяхл "Гора испуганного олененка").

Конечно, топонимы разных народов могут значительно различаться как в структурном отношении, так и по семантическим моделям. Например, названия, указывающие на какое-либо событие, связаны в большей степени с кочевым бытом в широком смысле этого слова, чем с земледельческим. С другой стороны, такие названия намного шире представлены в тех топонимических системах, для которых характерны глагольные (причастные) конструкции⁸. В то же время структура языка может обуславливать как структурное, так и семантическое свертывание "событийных" названий, ср. манс. Пут-Уриэ-Сяхл "Гора, где караулят котел" и русск. остров Котельный (там был потерян котел). При всех этих различиях, иногда очень значительных, в семантике любой топонимической системы обязательно обнаруживаются универсальные ахронические черты⁹.

С течением времени первичные топонимические и антропонимические системы утрачивали семантическую прозрачность как по внутриязыковым причинам, так и вследствие заимствований, приближаясь по своему типу к современной ономастике, но первоначально они развивались по одному пути, при этом сама специфика первобытного имёнотворчества помогала людям древности лучше запоминать систему топонимических названий и имена соплеменников.

Периодически в печати появляются сообщения о древних картах, которые археологи опознают в загадочных рисунках на кусках мамонтовых бивней¹⁰. Действительно ли перед нами древняя карта, определить всегда трудно. Но даже если удастся это доказать, основным ключом к освоению окружающего мира в прошлом должны считаться не

8. См.: Матвеев А.К. Образное народное видение и проблемы ономастической и этимологической интерпретации топонимов. С. 12-13.

9. См.: Матвеев А.К. Значение принципа семантической мотивированности для этимологизации субстратных топонимов // Этимология 1967. М., 1969. С. 197.

10. См., напр.: Орешкин Д. Карта 15 000 лет? // Правда. 1984. 19 нояб.

такие карты, а запоминание древних охотничье-рыболовецких или собирательских маршрутов в полном соответствии с известным тезисом А. Леруа-Гурана о маршрутном видении^{II}. Географические названия на таких маршрутах становились своего рода опорной сетью, которая помогала освоению маршрута и сохранению его в памяти. Работа с неграмотными пожилыми манси показала, что они отлично ориентируются в предложенной им карте и сразу же называют ту или иную реку или гору, если у них есть название. В их памяти как кинолента прокручивается в мельчайших подробностях линия того или иного маршрута или возникает панорама той или иной местности. Именно так и осуществлялось освоение географической среды в древности.

Разумеется, нельзя исключить, что эскиз "карты" на куске мамонтовой кости мог понадобиться в древности для того, чтобы объяснить дорогу несведущему, тем более что образ готовой карты испокон веков висел над головой людей в виде звездного неба. Его недостижимость рождала религиозное почтение, а своеобразные формы созвездий, извлекаемые взглядом земного наблюдателя из массы звезд, обогащали миф антропоморфными и зооморфными представлениями, что способствовало лучшему запоминанию и ориентировке. В то же время практическая целесообразность наблюдений над звездным небом наводила на мысль о применении аналогичного принципа изображения действительности к земным условиям, а плоскостная проекция предопределяла характер первых настоящих карт. Находя себе подобный мир на небе, люди создавали его по земным образцам и в то же время обучались на этом естественным путем возникшем подобии карты, которую было видно во всей ее целостности. Так диалектически надо представлять себе возникновение базы для создания астрономических систем¹².

Что же становится эталоном для создания топонимических систем на земле и их антипода — астрономии — на небе? Это давно установлено. Человеку присущ антропоцентризм, поэтому для него точка отсчета — сам человек, в основе всего — сравнение с человеком. Если же в поле зрения находились сразу комплекс объектов, как, например, обычно бывает в горах, сравнение производилось с целой группой лю-

II. Leroi-Gourhan A. La geste et la parole. Paris, 1965. Т.2. Р.155-161.

12. Подробнее об этом см.: Рут М.Э. Принципы номинации некоторых астрономических объектов // Вопр. топонимистики. Свердловск, 1970. Вып.4. С.102-107; Она же. К вопросу о принципах номинации созвездий // Вопр. топонимистики. Свердловск, 1972. Вып.6. С.85-

дей, в которую могли включаться и животные (или наоборот). Следовательно, ортография наиболее благодатна для реализации этого пути имитаторчества, напротив, комплекс гидрообъектов держать в поле зрения обычно не удается.

Комплексу объектов сплошь и рядом соответствует комплекс названий. Наглядные примеры можно найти в мансийской и других оронимических системах¹³. Известны уже и излюбленные семантические модели таких комплексов, характерные для разных оронимических систем: старик и старуха, муж и жена, братья, сестры, семья, свадебное общество¹⁴, хозяин и слуга, враждующие богатыри и т.п.

Каждая такая "картина" жизни является плодом образного народного видения и в сочетании с мифолого-религиозными и фольклорными представлениями становится как бы эквивалентом фрагмента карты в сознании и памяти местных жителей.

Так, в северо-восточной Монголии есть особо почитаемая¹⁵ населением гора Кентэй-Хан (сохраняем орфографию и толкования источника). Близ этого "полубога-богатыря" находится вершина Бариса "оруженосец" или "эконом-домоправитель" (ср. в отношении семантической типологии манс. Нёр-Ойка "Хозяин Урала" и Хусь-Ойна "Слуга Хозяина"), чуть поодаль возвышаются два старших брата Кентэй-Хана: Ихэ-Аха "Большой старший брат" и Бага-Аха "Меньший старший брат", а также сестра Кентэй-Хана — Дальгир-Хан. У Кентэй-Хана три дочери-реки: Керулен, Онон и Тола, которые берут начало на его склонах. Перед самим Кентэй-Ханом находится красивое альпийское озеро — священное зеркало Кентэй-Хана. Каменные скалы-богатыри сторожат вход в верховья реки Керулен. Это Батёр-Дзянь-Дзюнь и Тэнгир-Босхо. А скалы на близлежащих гольцах Эрдины-Ула и Уятэ служат коновязью богатырских коней.

Перед нами целый богатырский мир и своего рода карта. Часть названий прозрачна по семантике и переведена в самом источнике, часть оставлена без перевода (например, Тэнгир-Босхо, фактически

13. Матвеев А.К. Образное народное видение и проблемы ономастической и этимологической интерпретации топонимов. С. 14-15.

14. Шренк А.И. Путешествие к северо-востоку Европейской России. СПб., 1855. С. 494.

15. Молчанов М.А. Материалы к вопросу о древнем оледенении Северо-Восточной Монголии // Изв. РГО. 1918. Т. 54, вып. I. С. 86-87.

это Тангар-Босго "Порог неба"), часть не имеет ясной внутренней формы (гидронимы), но отсутствие внутренней формы не является помехой: чем непонятнее, тем, в сущности, легче открыть путь прямой выдумке, особенно если она находит поддержку в реалиях.

Естественно, что каждый народ видит свое: монголы — высокопоставленное ханское общество, при этом сами реалии — высокие горы — способствуют такому видению, а у полинезийцев (таитянцев) существует предание о возникновении острова Таити и ряда более мелких близлежащих островов из огромной рыбы. У морского народа и образы морские. Голова рыбы — остров Таиарапу, туловище — Таити-нуи (Великий Таити), первый спинной плавник — Таити-ити (Малый Таити). Отпали от громадной рыбы и другие части, образовав маленькие острова — Метиа и Те Тиароа¹⁶. Так как таитяне боялись, что рыба поплывет дальше, они перерубили ей жилы волшебным теслом: "В начале горная цепь шла вдоль всего Таити, но волшебное тесло разрубило ее таким образом, что возник перешеек, называющийся Таравао. Он связывает теперь Таиарапу, голову рыбы, с ее туловищем"¹⁷.

Великолепен анализ этих названий, который находим в книге Те Ранги Хироа: "Я не осознавал, какое значение имело расположение отдельных островов, образующих архипелаг Общества, пока вновь не рассмотрел карту под углом таитянской мифологии. Эти предания возникли из устных описаний пути мореплавателей, выходивших в открытый океан. Картина взаимного расположения островов настолько соответствует действительности, что кажется, будто перед глазами сказитель лежала современная карта"¹⁸.

Таким образом, картина, порожденная образным видением, является одновременно и эквивалентом карты. При этом выясняется, что такая "карта" может далеко выходить за пределы территории, охватываемой взглядом. Приобретенные знания, память и воображение помогают построить картину такой по охвату части мира, которую можно было бы запечатлеть разве на фотографии, снятой с космического корабля. И вся эта картина, у истоков которой стояли бесстрашные путешественники и одареннейшие "топографы" древности, закрепляется в сетке названий.

16. Те Ранги Хироа. Мореплаватели Солнечного восхода. С. 69.

17. Там же. С. 71.

18. Там же. С. 70.

Итак, для сложных топонимических комплексов характерны многосторонняя целеустановка и синкретический характер: они выполняли как эстетическую, так и мифолого-религиозную функцию, и, кроме того, надежно обслуживали носителей данного языка, будучи эквивалентом настоящей карты, которой еще не было. Любой такой комплекс — своего рода прием запоминания, осквященный первобытной религией, который помогает ориентировке.

Однако ориентировка на открытой и закрытой местности очень различна. Человек может охватить одним взглядом бесконечный мир звезд над головой и неизмеримо менее значительную, несравнимую с ним по сути, но практически, может быть, не менее важную для древнего человека панораму дальних гор. Напротив, в тайге и вообще в закрытой местности ориентировка столь же затруднена, как и в океане, где не видно берегов. Отсюда принципиально иной подход к номинации. В открытой местности рождались синтетические образы, которые состояли из комплексов антропоморфных (или зооморфных) фигур. Более детальное членение (Пояс Ориона — в астронимии, манс. Эква-Вангын-Сори "Седловина плеча Старухи"¹⁹ — в топонимии) было факультативным. Между тем для закрытых местностей и океана характерны расчлененность единых образов. Чтобы показать связь объектов, приходилось членить целое на части, причем таким целым опять же мог быть прежде всего человек, конечно, великан, или, как в Полинезии, громадная рыба-великан.

Именно такой подход к окружающему миру очень ярко проявляется в обско-угорской топонимии. Образ великана, который при каких-то обстоятельствах упал, распался (или насильственно расчленен на части) и превратился в различные формы земного рельефа, повторяется в разных вариантах как в мансийских, так и в хантыйских географических названиях.

Так, Е. И. Ромбандеева рассказывает о серии мансийских топонимов по реке Северная Сосьва, которые связывают с названиями частей тела, а также деталями одежды, обуви, снаряжения хвастливого великана, раздетевшегося на куски от удара стрелы богатыря. Различаются "колени" (*siḡas < sanas*), "две реки концов пояса" (*ēntap' owl jāy*), "остров ножен" (*siḡal' tump*), "остров мешочка для огня" (*ṗl'a xūrjū tump*), "озеро желудка" (*pōl'xos tūr*), "даревня ку-

¹⁹ Имеется в виду гора Эква-Сял "Старуха-гора".

сков сапога" (əbraklōmt pāwlij), "плес бедренной кости (pēsluw wōl')²⁰.

На Конде записана легенда о колдунье, которую разрубили на куски мансийские мужчины. Ее живот стал озером Эк-кахэр-тур "Озеро живота женщины", руки и ноги – заливами, поросший лесом мыс на озере – пояс колдуньи, ее грудь – бугор в прибрежном бору, нос – лесная грива, глаза – два небольших озера, еще одно озеро – подбородок и т.д. В некоторых случаях сохранились и названия: Энтпяр-ванный "Мыс талии, пояса", Шак-маэль "Грудь женщины", Эка-пун-сов-нял "Кустарниковый мыс зада женщины"²¹.

Подобные же легенды, связанные с географическими названиями, засвидетельствованы и у ханты.

Близ Сургута на Юганской Оби есть остров Богатырь и мыс Каменный, с которыми связывается хантыйская легенда об убитом богатыре. Части его тела и снаряжение превратились в остров, а голова – в большой валун, который остался на Каменном мысу²².

Питларские ханты в низовьях Оби также рассказывают о великане, который упал с неба. Так возникло озеро Питлор "Упавший сор (сезонное озеро)", напоминающее по форме человека.

Трудно сказать, как сложилась и насколько древней является эта общая обско-угорская мифологическая модель. Во всяком случае нельзя исключить возможность ее переноса с одного комплекса названий на другой, например, при переселении. Но главное, все эти факты явно свидетельствуют о том, что фантастическое представление об упавшем и разлетевшемся на части великане – специфический прием освоения окружающего мира, присущий мифологическим и коррелятивным с ними топонимическим системам бесписьменных народов. Он состоит в особом способе организации, идентификации и членения местности в

20. Ромбандеева Е. И. Некоторые этимологии мансийских топонимов // Вopr. финно-угорского языкознания. М., 1965. Вып. 3. С. 50-51.

21. Власова Д. Д. Топонимы, отражающие религиозное представление кондинских манси // Собственные имена в системе языка. Свердловск, 1980. С. 58.

22. Громов В. И. Материалы к изучению четвертичных отложений в бассейне среднего течения р. Оби // Труды комис. по изуч. четвертич. периода. М., 1934. Т. 3, вып. 2. С. 12.

сознании при помощи запоминания расчлененных образов. Система мифологических и топонимических представлений опять-таки становится эквивалентом карты.

Цивилизация со своей письменностью и настоящими картами в корне меняет ситуацию. Утрате древних представлений способствует и искоренение язычества. Поэтому в наши дни "мифологическое видение" местности в чистом виде, наверное, можно наблюдать только в самых глухих уголках земного шара у каких-нибудь отсталых племен, но реликты такого "мифологического видения", закрепленные в топонимических образах как наследие прошлого, встречаются и у цивилизованных народов.

Хотя комплексы избранных для номинации объектов — факт действительности, выбор объектов всегда зависит от угла зрения, от положения наблюдателя. Кроме того, выделяются и называются те объекты, которые чем-либо поразили создателей названий. Короче говоря, объединение объектов в комплекс в какой-то мере произвольно. И это отдаленно напоминает произвольность выделения и группировки созвездий, впрочем, тоже относительную.

Объективное в акте номинации всегда соединено с субъективным. Объективное — величина объекта, его действительно существующие (а не кажущиеся) особенности, отношение к другим объектам и т.п., субъективное — положение наблюдателя, его компетентность, хозяйственная и эстетическая ценность объекта для наблюдателя. Известную аналогию этому находим в процедуре выделения главной реки, ср. традиционный пример Волга — Кама (приток Волги) — тюркское Идал (Кама и Волга ниже устья Камы). Значение фактора позиции номинатора неоднократно наблюдал и автор статьи в ходе эксперимента по созданию искусственных топонимов. Так, название урочища Самь Логов в Шалинском районе Свердловской области возникло во время пересечения под прямым углом ряда крутых логов в закрытой горно-лесной местности. Если бы наблюдатель двигался по одной из лесных возвышенностей между логами, то не было бы условий для возникновения названия с подобной семантикой.

В топонимии зрительные образы получают словесное выражение, а также религиозно-мифологическую интерпретацию в результате определенного рода перекодировки, однако в принципе древняя топонимия была синкретична. Это объясняет, почему топонимия в свое время служила и картой, и историко-географическим справочником, и важной главой в энциклопедии культуры того или иного народа. Она служила

для древнего человека важнейшим источником информации, а пережиточно играет эту роль и в наше время, хотя теперь такая "энциклопедическая" статья чаще всего сводится к одному заглавному слову, обладающему более или менее прозрачной внутренней формой.

2. К изучению древнего субстрата в саамском языке

Происхождение саамов, навверное, одна из самых темных страниц этнической истории финно-угро-самодийских (уральских) народов. Решение этой проблемы зависит от успехов в области различных наук и во многом будет обусловлено совершенствованием методики комплексного изучения вопросов этногенеза. Бесспорно, что важную роль в этих исследованиях будут играть и данные лингвистики.

Нет смысла еще раз излагать историю вопроса: протосаамская гипотеза К.Б.Виклунда²³ хорошо известна всем, кто когда-либо интересовался происхождением саамов. У этой версии и сейчас есть сторонники и противники. Однако сколько-нибудь категоричные утверждения в настоящее время преждевременны: для решения столь сложной проблемы необходимо достаточно полное использование собственно языковых источников, а оно еще не осуществлено.

Кроме того, лингвистам следует с осторожностью использовать неязыковой материал: совершенно своеобразный лапоноидный антропологический тип саамов не может быть однозначно интерпретирован с точки зрения лингвистики и отнюдь не доказывает существование протосаамского субстрата в современном саамском языке, поскольку расовые и языковые признаки могут и не коррелировать. Это хорошо подтверждает различие антропологических типов коми и коми-пермяков, манси и венгров или, наконец, белых американцев и негров, причем первые два случая свидетельствуют об отсутствии связи языковых и расовых признаков при дифференциации языков, а последний демонстрирует отсутствие такой связи при языковой интеграции. Отсюда следует, что антропологические данные сами по себе не могут свидетельствовать в пользу гипотез, еще не аргументированных собственно лингвистическими методами. Конечно, антропологический тип саамов — важное свидетельство, тем не менее он не может рассматриваться как исходный постулат для лингвистической теории.

23. Wiklund K.B. Entwurf einer urlappischen Lautlehre // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 1896. 10. S.7-12.

Намного полезнее, ограничиваясь исключительно языковыми фактами, привлечь их в достаточно полной степени: данные одного порядка могут значительно усилить гипотезу, сделав ее доказательнее. Изложим в связи с этим некоторые соображения о различных лингвистических источниках, которые в той или иной мере могут способствовать решению проблемы этногенеза саамов. К этим источникам относятся, во-первых, современные саамские наречия (их фонетика, грамматика, лексика), во-вторых, саамская субстратная топонимия, в-третьих, саамские заимствования и субстратные включения в русских говорах.

Данные современных саамских наречий в сопоставлении с материалом других финно-угорских языков до сих пор были основным источником исследований по лингвоэтногенезу саамов. Именно из этих данных исходят как сторонники протосаамской версии, так и ее противники. Как известно, суть протосаамской гипотезы состоит в двух главных предположениях: 1) протосаамы не были финно-уграми и говорили на каком-то ином языке, сменив его впоследствии на язык финского типа; 2) протосаамы были самодийцами. Нецелесообразно снова повторять аргументы за и против протосаамской гипотезы, изложенные в целом ряде работ. Проблема эта вряд ли будет решена, если не продвигнется этимологическое и ареальное изучение саамской лексики и в конечном счете не будет составлен этимологический словарь саамских наречий. Пока же сопоставление данных саамской лексики с фактами других финно-угро-самодийских языков (кроме финского) носит выборочный характер и не является основой для доказательных выводов. Необходимо систематическое всестороннее исследование лексики саамских наречий. Только тогда решение вопроса станет менее проблематичным.

Обратимся теперь к другим источникам, которые пока почти не привлекались для решения проблемы происхождения саамов, и посмотрим, как этот новый материал соотносится с протосаамской версией и некоторыми другими вопросами саамского этногенеза.

Сначала напомним наиболее важные результаты проведенных в недавнее время исследований по субстратной топонимии русского Севера, а также по выявлению саамских по происхождению заимствованных и субстратных лексем в русских народных говорах на этой же территории.

Изучение субстратной топонимии русского Севера свидетельствует, что дифференцирующие саамские основы распространены на всей

территории в треугольнике между восточной границей Карелии, Белым морем и линией Белое озеро - верховья Пинеги²⁴. Юго-восточнее по Сухоне и Югу и еще далее в Волго-Двинском междуречье эти основы встречаются значительно реже, но и здесь в русских говорах отмечены субстратные топонимические элементы и апеллятивы, близкие к саамским²⁵, что позволяет поставить вопрос о существовании на этой территории в прошлом саамонидных и севернофинских языков²⁶. Наконец, все настойчивее говорится о том, что и восточнее, на территории Коми АССР²⁷, и даже еще далее к востоку, за Уралом²⁸, в топонимии об-

24. Матвеев А.К. Этимологизация субстратных топонимов и моделирование компонентов топонимических систем // *Вопр. языкознания*. 1976. № 3. С. 58-73; Он же. Топонимические этимологии П: Названия осин в субстратных языках Русского Севера // *Сов. финно-угроведения*. 1970. № 2. С. 137-140; Он же. Топонимические этимологии Ю: Коррелятивные топонимы с интервокальными консонантными группами хч и кш в субстратной топонимии русского Севера // *Сов. финно-угроведение*. 1973. № 1. С. 25-28; Он же. Древнее саамское население на территории севера Восточно-Европейской равнины // *К истории малых народностей Европейского Севера СССР*. Петрозаводск, 1979. С. 5-14.
25. Матвеев А.К. Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории севера Европейской части СССР: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1970. Машинопись. С. 518-581; Востриков О.В. Несколько субстратных включений в русских говорах Костромской области (сорьез, тохта, шохра) // *Этимология рус. диалект. слов*. Свердловск, 1978. С. 45-53; Он же. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // *Этимолог. исслед.* Свердловск, 1981. С. 3-45.
26. Матвеев А.К. Происхождение основных пластов субстратной топонимии русского Севера // *Вопр. языкознания*. 1969. № 5. С. 42-54.
27. Туркин А.И. Этногенез народа коми по данным топонимии и лексики. Таллин, 1985. С. 17-19.
28. Попов А.И. Основные задачи исследования финно-угорской и самодийской топонимии СССР // *Вопр. финно-угор. языкознания: Грамматика и лексикология*. М.; Л., 1964. С. 206; Матвеев А.К. К проблеме домансийского субстрата в гидронимии // *Происхождение абортригенов Сибири и их языков: Материалы Всесоюз. конф. 3-5 июня 1976 г.* Томск, 1976. С. 118-121.

наруживаются субстратные элементы, близкие к саамскому языку, хотя это последнее пока проблематично.

Так или иначе, если учитывать, что саамы раньше заселяли Карелию, значительную часть Финляндии и, видимо, отдельные районы современной Ленинградской области²⁹, места их бывшего обитания (до прихода карел, вепсов и русских) захватывали огромную территорию севера Восточно-Европейской равнины, как минимум от Карелии до Коми АССР. Напротив, прибалтийско-финская топонимия русского Севера в значительной степени представляет собой более поздний адстрат.

Изучение саамских лексических элементов в севернорусских говорах, начатое Т.Итконеном³⁰, продолжается и в настоящее время³¹. Основной недостаток статьи Т.Итконена, написанной по данным словарей XIX – нач. XX в., – крайне неполные сведения о географии слов. Сейчас в результате экспедиционных работ на русском Севере собран намного более значительный материал, который уже позволяет сделать ряд выводов. Главный из них состоит в том, что при наличии в севернорусских говорах общих по происхождению прибалтийско-финских и саамских лексем прибалтийско-финские распространены в населенных русскими районах Карелии и в смежных с ними частях Архангельской и Вологодской областей, а саамские восточнее – непосредственно на территории древней Двинской земли. Так, например, слово *салма* "пролив" (фин., сев-карел. *salmi*) известно в русских говорах Карелии и на крайнем северо-западе Архангельской области на Онежском полуострове, а *чёлма* "пролив" (саам. *t'šuaŋm^e*) – восточнее и юго-восточнее: в Вожегодском, Вытегорском и Кирилловском районах Вологодской обла-

29. Попов А.И. Следы времен минувших. М., 1981. С.108–110, 146–149.

30. Jtkonen T.I. Lappische Lehnwörter im Russischen // Suomen Tiedekatemia Toimituksia. Helsinki, 1931. Ser.B. Bd.28. S.47–65.

31. Матвеев А.К. Некоторые проблемы изучения уральских элементов в лексике севернорусских говоров // Вopr. изуч. севернорус. говоров и памятников письменности: Материалы к межвуз. науч. конф. Череповец, 1970. С.190–193; Он же. Этимологизация субстратных топонимов и апеллятивные заимствования // Этимология 1971. М., 1973. С.332–355; Он же. Русское диалектное чёлма // Этимология рус. диалект. слов. Свердловск, 1978. С.54–61; Субботина Л.А. Заимствованная лексика в русских говорах Прикамья // Этимология рус. диалект. слов. Свердловск, 1978. С.66–78.

сти и Коношском, Няндомском, Плесецком Архангельской. Это является еще одним доказательством того, что существенную часть населения Подвинья перед приходом русских составляли саамы.

Может возникнуть вопрос, не являлись ли предшественники русских, жившие на территории современной Архангельской и Вологодской областей, протосаамами? На этот вопрос приходится ответить отрицательно: в субстратной топонимии, которая квалифицируется как саамская, отражены прежде всего типичные финно-угорские основы, поэтому следует считать, что в Подвинье в свое время обитали самые настоящие саамы, говорившие на диалектах, близких к наречиям современных кольских саамов.

Таким образом, сам по себе факт распространения саамских субстратных топонимов и апеллятивов на территории русского Севера можно считать доказанным. Это, в свою очередь, позволяет несколько иначе рассматривать вопросы саамского этногенеза, даже не учитывая пока весьма проблематичное предположение о пребывании саамов в Приуралье и тем более в Зауралье.

Если подходить к материалу достаточно объективно, то прежде всего требует осмысления зона расселения саамов на севере. Кроме того, учитывая распространение саамской топонимии на северо-востоке Двинской земли, необходимо рассмотреть вопрос о возможных саамско-самодийских, в первую очередь саамско-ненецких, контактах, поскольку ненцы — самая западная из этнических групп самодийцев.

Так как саамская топонимия в Двинской земле стала субстратной после прихода русских, относящегося к началу II тысячелетия нашей эры, приходится допустить, что она существовала в этих местах по крайней мере еще в течение некоторого времени и до прихода русских, т.е. в конце I тысячелетия нашей эры, хотя, конечно, нельзя исключить, что некоторые группы саамов переселились сюда в процессе общей колонизации Подвинья вместе с прибалтийскими финнами и русскими. Характерная треугольная форма ареала саамских топонимов подсказывает в то же время, что саамское население постепенно распространялось из района больших озер (Белое, Воже, Лача) в северо-восточном направлении. Бесспорно, что этот процесс мог произойти и сравнительно незадолго до прихода русских уже после интенсивных контактов саамов с прибалтийскими финнами где-то в районе больших озер или даже Финского залива. Если учесть плотность саамской субстратной топонимии, то наиболее многочисленно было саамское насе-

ление именно в районе Белого озера и верховьях Онеги. Однако зона расселения саамов в целом столь значительна, что известное предположение о смене языка на узком "пятачке" близ Финского залива в любом случае кажется искусственным: непонятно главное, как небольшая группа самодийцев, таинственным образом оказавшись в этих местах и сменив язык, затем стала столь многочисленной, что расселилась по всему северу от Скандинавии до современной Коми АССР. В конечном счете зона обитания саамов в древности оказывается гораздо более обширной, чем территория, населенная прибалтийскими финнами: в таких условиях смена языка кажется странной. Конечно, вопрос о том, происходила или не происходила в действительности смена протосаамского языка на финно-угорский, пока остается открытым, но думается, что этого процесса могло и не быть: предшествующий "протосаамский" этнос мог просто раствориться среди саамов, обусловив появление мощного языкового и этнического субстрата. Диалектная пестрота, характерная для современных саамов, позволяющая говорить даже о саамских языках, видимо, возникла давно. Возможно, что некогда существовала и целая группа саамских или саамоидных языков, так что процесс ассимиляции протосаамов финно-уграми, если он действительно имел место, должен относиться к глубокой древности.

Обращаясь к вопросу о саамско-самодийских контактах, надо иметь в виду, что никаких других самодийцев, кроме ненцев, история на севере Восточно-Европейской равнины не знает. Загадочная пещера, конечно, в счет не идет: она может быть и пермской, и угорской, и самодийской, и саамской, и даже протосаамской этнической группой. В этом вопросе пока нет никакой ясности. Возможно, что какие-то самодийские племена были ассимилированы финно-уграми, а частично может быть и русскими в Подвинье (и они-то как раз могли быть остатками протосаамов!), но никаких сколько-нибудь серьезных данных о таких самодийцах пока не имеется.

Что же касается возможности древних саамско-ненецких контактов, то она кажется маловероятной. Во всяком случае трудно предполагать, что протосаамский субстрат связан с ненецким языком. Для этого вывода имеются следующие основания: во-первых, близость диалектов тундровых ненцев свидетельствует о том, что их носители сравнительно недавно освоили арктические тундры, а во-вторых. (и это главное!), еще А.И.Шренк в прошлом веке установил, что ненецкие названия рек между устьями Печоры и Мезени не имеют ничего общего с местными русскими названиями: Чёша - Падараяга (Падараяха) "Лес-

ная", Индега - Пайега (Пэяха) "Каменистая", Несь - Хахайяга (Хэхэ-яха) "Река земли идолов" и т.д.³² Но ведь русские названия Чёша, Индега, Несь и др. являются субстратными. А.И.Шренк считает, что они восходят к языку Заволонской Чуди (сииртя ненецких преданий), и их действительно нельзя отрывать от субстратной топонимии русского Севера (ср. Индега и Вожега, Онега, Пинега). Еще важнее, однако, что между ненецкими и субстратными названиями нет ничего общего и что субстратные топонимы нельзя считать кальками ненецких, а ненецкие - кальками субстратных. Отсюда следует, во-первых, что русские в этих местах ассимилировали какое-то неизвестное население, во-вторых, что ненцы давали названия рекам, не имея представления о более древних гидронимах (известных русским), в-третьих, что ненцы в места к западу от Печоры проникли сравнительно недавно и вряд ли здесь встретили сколько-нибудь значительное древнее население, но зато вступили в прямой контакт с русскими. Таким образом, непосредственных связей между ненцами и саамами на данной территории в древности скорее всего не было, и, следовательно, вряд ли допустимо считать ненецкую этническую группу источником протосаамского субстрата.

Если сравнить серию "субстратных" слов саамского языка³³ с соответствующими по значению ненецкими словами, то получим следующую наглядную картину:

саамские лексемы

ненецкие лексемы

jeŋ' n'	"земля"	я
vuntas	"песок"	таб
laŋ' n'	"торф"	юмб
n' a ŋk	"мыс"	о́йля
m̥iŋt	"снег"	сыра
vɛʒ	"снег"	сыра
p' iŋk	"ветер"	марцй
kiŋč	"медведь"	вйрк
k' eŋ' k	"росомаха"	иңгней
suɛv' v' el'	"хариус"	туи
n̥i k' k' eŋ'	"щука"	пыря
ŋuŋ' k'	"ящик"	лабтэй

32, Шренк А.И. Путешествие к северо-востоку Европейской России.

СПб., 1855. С.582,622,628.

33, Керт Г.М. Саамский язык. Л., 1971. С.8.

k' i m̃n'	"котел"	ед
kuh' k')	"длинный"	ямбо
čohp' es'	"черный"	пәриденя
n' al' g' es'	"сладкий"	ңамийлада
v' eh' k')	"помощь"	нядасбава
čoŋv	"живот"	нянко
siŋt'	"село"	ңәсы

Конечно, слова могли с течением времени изменить значение, и вообще сравнение "в лоб" страдает многими методическими недостатками, тем не менее результат показателен: кроме очень проблематичного соответствия *jəw'n* – я, между "протосаамскими" и ненецкими словами нет ничего общего. Это еще раз подтверждает вывод, что протосаамы (если они вообще существовали и притом были самодийцами) должны отождествляться не с ненцами, а с какой-то другой неизвестной нам еще более западной самодийской группировкой. Но протосаамы могли быть и особым уральским этносом – не финно-угорским и не самодийским. Наконец, нельзя исключить, что они вообще не были уральцами³⁴. Примечательно, в частности, европейские связи саамского слова *jəw̃r̃*^е, обозначающего такое важное для севера европейской части СССР понятие, как "озеро"³⁵. В то же время саам. *jəw̃r̃*^е имеет точные соответствия в прибалтийско-финских и волжско-финских языках и противостоит коми ты, манс. *tūr*, хант. *tor*, лор, ненец. *to* "озеро". Никаких следов пермско-угорско-самодийского слова в субстратной топонимии русского Севера нет. В связи с этим следует напомнить, что субстратная лексика обычно охватывает определенные тематические группы (географическая и метеорологическая терминология, растительный и животный мир, местные промыслы и т.д.), а не образует "чересполосицу" с лексикой языка-ассимилятора.

Таким образом, несмотря на соблазнительность версии о самодийском происхождении протосаамов, надо, по мнению автора, пересмотреть эту гипотезу, привлекая весь относящийся к ней языковой материал. Лингвистические данные для решения вопросов саамского этно-

34. Ср.: Халинский Е.А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели: Лингвистическая и этногенетическая интерпретация. М., 1982. С. 49–51.

35. Матвеев А.К. Происхождение основных пластов субстратной топонимии русского Севера. С. 53.

генеза пока что использованы только частично и весьма выборочно, системное изучение может изменить сложившиеся взгляды. Однако значительны и трудности, ожидающие исследователей на этом пути. Так, например, севернорусские диалектные слова ягровица "топь", ягрина "яма с водой" хорошо сопоставляются с топонимическими элементами ягр, яхр, явр "озеро" и саам. $\text{ja}^{\text{h}}\text{r}^{\text{e}}$ "озеро", но в поморских говорах слово ягра имеет совсем другое значение - "песчаная отмель", что заставляет вспомнить уже ненецкое (!) слово яра "песчаный". В фактах такого рода разобраться будет очень трудно.

В соответствии с одной из версий, на север Восточно-Европейской равнины протосаамы пришли откуда-то с Урала. Но есть и версия об их европейском происхождении. Так или иначе, движение собственно саамов на север в Карелию и на северо-восток в Двинские земли представляло собой поздний этап миграций и не противоречит предполагаемому более раннему продвижению протосаамов на север Восточно-Европейской равнины, где бы ни находились места их первоначального обитания.

3. О древнем субстрате в топонимии уральского Севера

Обширную территорию уральского Севера в настоящее время заселяют различные финно-угро-самодийские (уральские) народы: ненцы, коми, ханты, манси. Но есть предположение, что раньше им предшествовало какое-то иное население, которое затем было ассимилировано и сыграло тем самым значительную роль в формировании северных уральцев. Косвенно на это указывает наличие мощного субстратного слоя в топонимии всей территории севера европейской части СССР: на Кольском полуострове, в Карелии, бассейнах Онеги, Двины, Мезени. Поэтому субстратные компоненты логично искать и в топонимии, прежде всего в гидронимии, уральского Севера. На их наличие указывают многочисленные факты.

Так, топонимические данные однозначно свидетельствуют, например, о наличии мощного древнего субстрата на территории Коми АССР. Названия более или менее значительных рек здесь, как правило, не объясняются из функционирующего языка. Таковы Печора, Вычегда, Сясьга, Ижма, Нюкчим, Локчим, Шугор и многие другие. Еще любопытнее картина на арктическом побережье, где субстратные гидронимы, усвоенные русскими, имеют параллельные ненецкие названия, ср. Чёша и Педараяха "Лесная река", Индега и Пёяха "Каменная река", Несь и Хэ

хэяха "Идольская река". Это указывает не только на обитание здесь в прошлом доненецкого населения, но и на то, что ненцы относительно недавно заселили европейское побережье Арктики: русские перво-проходцы, как правильно было указано еще А.И.Шренком, застали в этих местах какое-то другое население³⁶.

Лингвистические данные согласуются с фольклорными: на территории уральского Севера местное население рассказывает о своих предшественниках – сииртя, чуди и т.п., указывая при этом на места их древних поселений (городища).

Однако от констатации наличия субстрата до его идентификации с каким-либо древним языком – дистанция огромного размера. Субстратные топонимы уральского Севера интерпретируются с большим трудом, не обнаруживая сходства с ныне существующими уральскими языками. Видимо, в древности были и другие уральские языки, например, самодийские и угорские, которые не сохранились. В то же время нельзя отрицать и возможности существования в этих местах древнего неуральского элемента.

Бесспорно только одно: субстратную топонимию уральского Севера нельзя отрывать от субстратной топонимии европейского Севера, например, комплексы гидронимов Куя – Ижма – Лая отмечены как на архангельском побережье, так и в Припечорье. Однако пока трудно сказать, кто был создателем приуральского комплекса этих гидронимов: аборигены, переселившиеся с европейского Севера на Урал, или уральцы, мигрировавшие на европейский Север, или даже русские первопроходцы, осваивавшие уральский Север начиная с XI в. и перенесшие в эти места ранее заимствованные субстратные топонимы.

Все это обуславливает большую сложность проблемы и необходимость ее поэтапного решения без всякой суеты и спешки. Некоторые направления исследования, конечно, в самом общем виде, были уже охвачены в наших статьях "Древнеуральская топонимика и ее происхождение"³⁷ и "К проблеме домансийского субстрата в гидронимии"³⁸.

36. Шренк А.И. Путешествие к северо-востоку Европейской России. С.325-335.

37. Матвеев А.К. Древнеуральская топонимика и ее происхождение // Вopr. археологии Урала. Свердловск, 1961. Вып. I. С.133-141.

38. Матвеев А.К. К проблеме домансийского субстрата в гидронимии // Происхождение аборигенов Сибири и их языков: Материалы Всесоюз. конф. Томск, 1976. С.118-121.

Там же приведен соответствующий материал. Здесь остановимся только на некоторых гидронимических типах, характерных для уральского Севера, и попытаемся продвинуть их интерпретацию в свете имеющихся данных. Речь идет, во-первых, о названиях рек на чим, во-вторых, о гидронимах на сер, зер, в-третьих, о речных названиях с формантом уи.

Загадочный формант чим был в свое время выделен автором из многочисленных приуральских названий на им, ым и предположительно отнесен к дофинно-угорским³⁹. Чуть позднее Л.М.Майданова и С.В.Макарова высказали предположение, что большинство названий на им, ым (и соответственно гидронимов на чим) восходит к древнеугорской топонимии⁴⁰. В дальнейшем о происхождении названий на им, ым писали многие исследователи (А.П.Дульзон, А.С.Кривошекова-Гантман, Е.И.Ромбандеева, Б.А.Серебренников, Т.И.Тепляшина), при этом обычно указывалось на их угорское происхождение или гетерогенность. Наконец, недавно формант чим привлек внимание А.И.Туркина, который сопоставляет названия типа Локчим и Нюкчим (а также Чим) с обско-угорскими данными (хант. чом, чум "небольшой ручей")⁴¹. Сравнение это крайне заманчиво, но при решении вопроса о происхождении форманта чим необходимо прежде всего ответить на вопрос, имеем ли мы право выделять гидронимы с этим формантом из всего множества названий на им, ым в северном Приуралье.

Определенный ответ на этот вопрос дать затруднительно, так как названия на им, ым и на чим встречаются вперемешку и не обнаруживают по отношению друг к другу ареальной специфики. Например, в бассейне камской Вишеры наряду с Акчим и Колчим находим Волим, а в бассейне Сысолы и на смежных территориях наряду с Локчим и Нюкчим — Лозым и Чуим. Кроме того, надо иметь в виду, что гидронимов на чим в северном Приуралье вообще сравнительно немного (не более 10% от всех названий на им, ым), и уже это обстоятельство заставляет относиться к выделению форманта чим с изрядной долей скепсиса. Именно поэтому, обратив в свое время внимание на компонент чим, автор в

39. Матвеев А.К. Древнеуральская топонимика и ее происхождение. С. 138-139.

40. Майданова Л.М., Макарова С.В. Гидронимический ареал им, ым в северном Приуралье // Вопр. топонимистики. Свердловск, 1965. Вып. 2. С. 3-6.

41. Туркин А.И. Краткий коми топонимический словарь. Сыктывкар, 1981. С. 58, 69, 96.

дальнейшем предпочитал все же говорить в целом о названиях на им, ым.

Конечно, на возможность выделения форманта чим указывает и название реки Чим, предположительно отражающее древний географический термин, и фиксация старорусских форм Лух, Луховская при современном коми Ёбкчим, которые приводит А.И. Туркин⁴², тем не менее сам факт существования в пределах одного региона двух самостоятельных ареально не дифференцируемых гидронимических формантов, столь близких в звуковом отношении (им, ым - чим), вызывает сомнения. Если же мы будем считать, что ч относится к основе (при исходном *im), то обско-угорские (хантыйские) соответствия ничего не дадут для объяснения.

Возможно, что-либо прояснит сопоставление гидронимов на чим с распространенными в северном Приуралье названиями рек на тым, дым, однако до сих пор комплексный фонетический анализ всех этих топонимов не произведен. Не установлено также, имеют ли названия на тым, дым ареальную специфику. Все это свидетельствует о том, что выделение форманта чим все же проблематично. Необходимы более веские лингвогеографические, фонетические и иные критерии для выделения этого форманта из всей массы названий на им, ым. А пока не составлены даже карты соотношения формантов чим и тым, дым.

Таким образом, при современном состоянии вопроса вряд ли целесообразно связывать приуральское чим именно с обско-угорскими (хантыйскими) данными. Судя по всему, возможности для его интерпретации более многообразны. С другой стороны, есть факты, прямо свидетельствующие против мансийского происхождения гидронимов на им, ср. русское название реки Кутим (бассейн камской Вишеры), явно заимствованное из какого-то древнего языка, и его мансийский эквивалент (в русской записи) - Сунья.

Другую очень интересную группу гидронимов северного Приуралья составляют названия на сер типа коми Висер (манс. Пасар), Нывсар, Тымсер (русс. Вишера, Нившера, Тимшера). Сюда же, возможно, относятся коми Печера (русс. Печора, др.-русс. Печера, манс. Песер). Названия эти не изолированы. В среднем Приуралье есть фонетически близкие наименования Бисер, Бисера, Бисерть (мар. Песер, татар. Бисер), Сысерть и им подобные. Наконец, в устьях Печоры зафиксирован ряд названий протоков этой реки: Конзэр-Шар, Лидзэр-Шар, Порсер.

42. Туркин А.И. Краткий коми топонимический словарь. С.58.

Сюда же, очевидно, относится название Челозер — Печора и наименования протоков Печоры Бедабичер-Шар и Песчабичер-Шар, где бичер, бичер, скорее всего, являются искаженным эквивалентом гидронима Печора (коми Печера, манс. Песер) в каком-то неизвестном древнем языке.

Попытки истолковать названия Висер, Нывсер, Тымсер на почве коми языка⁴³ с выделением архаического слова сер "река", которое затем исчезло из лексического состава коми языка, были подвергнуты справедливой критике А.И. Туркиным, указавшим на отсутствие соответствующего слова в пермских языках⁴⁴. Поскольку манси тоже не могут объяснить названия типа Песер, Пасар, а у ненцев наименование Печоры звучит совершенно иначе: Санеро'яха, источником гидронимов на сер, зер должен быть какой-то другой язык, ныне не существующий⁴⁵.

Действительно, названия на сер можно сопоставить с прибалтийско-финскими и саамскими данными (ср. фин. *saara*, выпс. *sar*, саам. *suorr*, *surr* "ветвь", "ответвление реки"), а также с субстратной топонимией русского Севера, где есть совершенно аналогичные топонимические образования типа Кумбисер и Сализер⁴⁶. Естественно, мы не утверждаем, что печорские названия на сер, зер являются собственно прибалтийско-финскими или саамскими. Речь идет только о том, что наиболее близкие соответствия для них обнаруживаются в прибалтийско-финских и саамских источниках.

Возникает, разумеется, вопрос о вокализме (наличие *e*, не соответствующего прибалтийско-финским и саамским данным). Ссылка на то, что перед нами вымерший язык и в этом языке был именно такой вокализм, конечно, не является адекватным объяснением. Но можно попытаться связать расхождение в вокализме с известной тенденцией к сужению гласных, характерной для некоторых финно-угорских языков.

43. Лыткин В.И., Гуляев Б.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970. С.251.

44. Туркин А.И. Краткий коми топонимический словарь. С.28-29.

45. В языке ненцев употребляется слово *sar* "пролив" (Шренк А.И. Путешествие к северу-востоку Европейской России. С.322-323), но оно, видимо, должно рассматриваться как заимствование из русского языка.

46. См.: Матвеев А.К. Этимологизация субстратных топонимов и апеллятивные заимствования // Этимология 1971. М., 1973. С.333-336.

В самом деле, если сравнить генетически связанные мансийские и коми гидронимы уральского Севера, то почти всегда в коми названиях гласные первого слога более узкие: Висер - Пасар, Ылидз - Оло, Щугор - Саккуръя. Все эти факты свидетельствуют о том, что на территории Коми АССР субстратная топонимия уральского Севера могла быть охвачена известной тенденцией к сужению гласных первого слога, характерной для марийских и пермских языков⁴⁷. Поэтому формы на сер можно рассматривать как результат проявления этой тенденции (ср. манс. Пасар - коми Висер), хотя могут быть и другие объяснения.

Для решения проблемы лингвостнической принадлежности названий на сер, зер особенно важно было бы установить значение таких фонетически близких гидронимов, как Песер (Печора), Висер (Вишера), Бисера, Бисерть и т.п. Их многочисленность наводит на мысль, что перед нами какой-то географический термин, производный от сер, но убедительных доказательств этого пока нет.

Наконец, третьим оригинальным типом гидронимов на уральском Севере являются русские названия некоторых больших рек на уй: Полуй, Тапсуй, старинные Улсуй и Велсуй (теперь Улс, Велс). Сравнение с формами этих же названий, бытующими у местного финно-угорского населения, позволяет считать элемент уй присущим только русским словам, ср. хант. Пульёхан, манс. tårps, rēlav, olv. Самое простое считать, что этот компонент появился в русском языке как результат адаптации, но на европейском Севере, откуда происходило заселение уральского Севера русскими, нет названий сколько-нибудь крупных рек на уй, хотя есть несколько плотных гнезд микрогидронимов на ой, оя, уй, уя, связанных с прибалтийско-финским oja или саамским vuoj, uī, voj "речка", "ручей". Поэтому, не отрицая в принципе возможности возникновения элемента уй на русской почве, следует допустить и другой путь его происхождения: русские могли воспринять эти названия у местного приуральского населения, скорее всего, припечорского, по языку в той или иной степени близкого к прибалтийским финнам или, вероятнее, к саамам. Не случайно в свое время М.А.Кастрен выводил название Полуй из фин. oja-puoli ("полреки"), имея в виду, очевидно, относительно величину Полуя и Оби. Это сравнение неавар-

47. Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974. С. 174-175.

но, но показателен сам путь, который избрал великий ученый⁴⁸. Так как один из крупных притоков Печоры именуется Воя, а на русском Севере есть десять рек с этим названием (ср. вышеприведенные саам. *vaof* и т.п.), предположения о связи форманта уй с источниками, близкими к саамскому языку, нельзя не иметь в виду. Однако слишком большим оптимистом быть в этом вопросе не стоит, учитывая, что основа ой, уй с близкой семантикой встречается и в других урало-алтайских языках, в частности в тюркских, и поэтому формант уй не обладает достаточной дифференцирующей способностью.

В то же время есть факты, указывающие на иные возможные пути исследования. В частности, серия названий озер на дуй, дый в низовьях Печоры (Пахандуй, Просундуй, Чичкондуй, Елардый) может сопоставляться с самодийскими, пермскими и угорскими данными (ненец. то, коми ты и т.п. "озеро"). Поэтому и все другие версии происхождения субстратной гидронимии на уральском Севере, в том числе и угорская, пока остаются в силе. При всем этом предположение о пребывании саами на уральском Севере должно быть тщательно проверено, тем более что в некоторых исторических источниках есть прямые указания о лопарях даже за Уралом.

Так, в источнике XVII в. читаем: "В том же сибирском царстве живут люди разноязычи: первые татарова, также вогуличи, остяки, самоедь, лопане, тунгусы, киргизы, колмаки, якуты..."⁴⁹. В исследованиях, посвященных торговым путям через Урал, упоминается Лопарский проток в пойме Оби⁵⁰. Встречаются в литературе и сенсационные сообщения: "Старики ж их (тунгусов енисейского округа - А.М.) ска- зывают, што оне от своих отцов и дедов слышали, что род их произо- шел якобы от лопарей"⁵¹. Все эти данные также нуждаются в тщатель- ной проверке и критическом осмыслении.

48. Castérén M.A. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845-1849. СПб., 1856. С.46.

49. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. Собрал и издал А.Н.Попов. М., 1869. С.401.

50. Сибиряков А.М. О путях сообщения Сибири и морских сношениях ее с другими странами. СПб., 1907. С.33.

51. Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982. С.223.